

□ Garun Raşid GUSEYNOV¹

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ, ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ В РАБОТЕ АБУСУФЬЯНА АКАЕВА «ТИЛ МАСЪАЛАСЫ»

Аннотация

Статья посвящена одному из аспектов научного наследия выдающегося кумыкского просветителя, общественного деятеля, ученого-арабиста и поэта Абусупьяна Акаева (1870-1931). Его творческая и научная деятельность в значительной мере способствовали подъему культурного уровня и национального самосознания кумыков и других народов Дагестана. Ему также принадлежит особая роль в движении реформации (джадидизма) ислама в Дагестане, развитии новометодного (усул-иджадид) образования. В статье впервые в истории тюркского языкознания еще в досоветскую эпоху были поставлены некоторые актуальные до сих пор вопросы социолингвистики. Они, в частности, были связаны с местом и ролью тюркских языков в языковой ситуации Северного Кавказа и Дагестана, и, как справедливо полагал Абусупьян Акаев, в системе образования необходимо отдать предпочтение не арабскому, но родному кумыкскому языку. Также им впервые были рассмотрены вопросы теории литературного языка и лингвокультурологии в интерпретации, близкой к современной научной традиции.

Ключевые слова: социолингвистика, теория литературного языка, лингвокультурология, языковая ситуация, Северный Кавказ, Дагестан, исламская реформация, кумыкский язык, система образования.

SOME QUESTIONS OF SOCIOLINGUISTICS, LITERATURE AND RELATIONSHIP THEORIES IN EBUSUFYAN AKAYEV'S "LANGUAGE ISSUE" STUDY

Abstract

The article is devoted to one of the aspects of the scientific heritage of the outstanding Kumyk educator, public figure, Arabist scientist and poet Abusupyan Akayev (1870-1931). His creative and scientific activities greatly contributed to the rise of cultural level and national identity of Kumyks and other peoples of Dagestan. He also has a special role in the movement of reformation (jadidism) of Islam in Dagestan, the development of new metode (usul-i-jadid) of education. In the article for the first time in the history of Turkic linguistics in the pre-Soviet era some issues of sociolinguistics were raised. In particular, they were connected with the place and role of Turkic languages in the language situation of the North Caucasus and Dagestan, and, as Abusupyan Akayev rightly believed, in the education system it is necessary to give preference not to Arabic, but to native Kumyk language. He also first considered issues of literary language theory and linguoculturology in an interpretation close to the modern scientific tradition.

Key words: Sociolinguistics, literary language theory, linguoculturology, language situation, North Caucasus, Dagestan, Islamic reformation, Kumyk language, education system.

EBUSUFYAN AKAYEV'İN "DİL MESELESİ" ÇALIŞMASINDA SOSYOLİNGÜİSTİK, EDEBİYAT VE İLİŞKİ KURAMLARININ BAZI SORUNLARI

Özet

Makale, seçkin Kumuk eğitmeni, halk figürü, Arap bilim adamı ve şair Abusupyan Akayev'in (1870-1931) bilimsel mirasının yönlerinden birine ayrılmıştır. Onun yaratıcı ve bilimsel faaliyetleri, Kumukların ve Dağıstan'ın diğer halklarının kültürel seviyesinin ve ulusal kimliğinin yükselmesine büyük katkıda bulunmuştur. Ayrıca Dağıstan'da İslam'ın reform (cadidizm) hareketinde, yeni moda (usul-ü cedid) eğitiminin gelişiminde özel bir role sahiptir. İlk kez bu makalede Sovyet öncesi dönemde Türk dilbilim tarihindeki sosyodilbilimin bazı konuları gündeme getirilmiştir. Bu konular, özellikle Kuzey Kafkasya ve Dağıstan'daki dil durumunda Türk dillerinin yeri ve rolü ile bağlantılıdır ve Abusupyan Akayev'in haklı olarak inandığı gibi, eğitim sisteminde Arapçanın değil, anadil olan Kumuk dilinin tercih edilmesi gerektiğiyle ilişkilidir. Abusupyan Akayev aynı zamanda ilk kez modern bilimsel geleneğe yakın bir yorumda edebi dil ve dilbilimci kültür teorisi konularını ele almıştır.

Anahtar Kelimeler: Toplumdilbilim, edebi dil kuramı, dilbilimci kültür bilimi, dil durumu, Kuzey Kafkasya, Dağıstan, İslam ilimleri, Kumuk dili, eğitim sistemi.

¹ Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета, garun48@mail.ru.

В августе-сентябре 1917г. выдающийся кумыкский просветитель и религиозный деятель Абусуфьян Акаев выступает в газете «Мусават» («Равенство») со статьей «Тил масъаласы» («Языковая проблема» или «Проблема языка»). Она стала доступной для широкого читателя лишь благодаря сравнительно недавней ее русскографичной публикации (20 июня 1997г.) в кумыкской республиканской газете «Елдаш», подготовленной Г.М.-Р. Оразаевым. В предисловии к ней известный кумыковед обращает, в частности, внимание читателей на непреходящее значение данного труда этого выдающегося просветителя для языка и культуры кумыкского народа в целом, дальнейшего повышения их престижа и развития.

Вместе с тем, насколько известно, специальный языковедческий анализ многогранного содержания этого подлинно научного сочинения, актуального и во многом опередившего свое время, еще не проводился. И данная публикация является первой, а потому, разумеется, не исчерпывающей и не бесспорной попыткой осмысления и интерпретации целого ряда не потерявших своего значения проблем и предложенных Абусуфьяном Акаевым способов их решения с методологических позиций упомянутых в названии настоящей статьи лингвистических дисциплин.

Сразу же отметим, что сам факт выхода из печати статьи подобного содержания, посвященной хотя бы постановке соответствующих вопросов, свидетельствует не только о высоком уровне научной эрудиции ее автора, но, прежде всего, о необходимо достаточной степени развития, которой достиг к этому времени кумыкский литературный язык. Его основы, подобно А.С. Пушкину в России, Мирзе Фатали Ахундову в Азербайджане и др., заложил в своем творчестве столь же выдающийся предшественник Абусуфьяна Акаева – корифей кумыкской литературы Ирчи Казак, предопределивший своим творчеством окончательный поворот кумыкского литературного языка от «тюрки» к его народной (разговорной) основе (Гусейнов 2000: 33-34).

С другой стороны, имея в виду, что «наддиалектность» в литературном языке обязательно сочетается с обработанностью и функционально-стилистической вариативностью (БЭС 1998: 270), следует обратить внимание на то, что данная статья представляет собой практически законченный образец научного (гуманитарного) стиля. В ней, с позиций современного кумыкского литературного языка, при практически единичной представленности фонетических диалектизмов типа *бережакъ* и *тавуп* (ср.: «наддиалектность литературного языка, как правило, проявляется... в отказе от узкорегionalных признаков одного диалекта» (БЭС 1998: 270) наблюдается сравнительно широкое использование целого ряда достаточно, по всей видимости, освоенных элементов научной терминологии. Причем последняя представлена как традиционными арабскими *фанну тадрис* «методика», *дарулфунун* «университет», *зыкмат* «физика», *гъандаса* «геометрия», *маълум* «ясный» и др., так и менее многочисленными русскими терминами типа *пёрмиси* «форма», *инжинерлыкъ* «инженерная профессия» и др.

Все это дает основание сделать предварительный вывод о том, что письменный кумыкский литературный язык, вопреки хрестоматийным советского времени утверждениям, сложился в основных своих чертах еще в дооктябрьский период, а в последующем имела место кодификация его норм. Последняя, к сожалению, до сих пор не завершена главным образом на лексическом уровне, если иметь в виду отсутствие, подобно некоторым дагестанским языкам, достигшим соответствующей стадии развития, на сегодняшний день толкового словаря кумыкского литературного языка, составленного, естественно, на соответствующем (кумыкском) языке.

Уже в первых строках своей работы Абусуфьян акцентирует внимание своих читателей на чрезвычайной, после вопросов веры, важности языковой проблемы, которая, как он подчеркивает здесь, является «жан берип жан алагъан» («душу отдав, душу берущий»). Разъясняя в последующем изложении эту мысль, он приходит к чрезвычайно актуальному и для нашего времени заключению о

том, что, в сущности, говоря иными словами, язык не только душа народа (В. Гумбольдт), но и душа его религии. И речь в последнем случае идет о духовном, этнолингвопсихологическом, в определенной мере предопределенном спецификой его религиозной принадлежности облике того или иного народа, его менталитете. А. Акаев предвосхищает тем самым столь актуальное в наше время изучение коммуникативных аспектов лингвокультурологической и этнопсихолингвистической проблематики, ибо культура и такая важнейшая ее составляющая, как религия, обладает не только собственной, но и иной, в том числе и этнопсихолингвистической ценностью. И ученые еще советского времени изучали вопросы национально-культурной специфики речевого поведения представителей различных лингвокультурных общностей (Этнопсихолингвистика 1988: 106).

Ср. еще раз в указанном отношении наряду с вышеупомянутой исходной посылкой: *«Тил масъаласы – жан берип жан береген масъала»* – последующее высказывание Абусуфьяна: *«Бир миллетни тили де, опрагыны пёрмиси де битсе, шолар булан бирче дини де битер. Къайсы къавумну пёрмисин гийип, тилин сёледи буса, шол къавумну динин де тутар»*. Речь идет о том, что в конечном счете «если у (одного) народа и язык, и форма (фасон) одежды закончатся (исчезнут), вместе с ними кончится и его вера. Какого народа форму (фасон) одежды надев, его языком заговорят, этого народа и веры станут придерживаться», то есть, имея в виду вышеприведенную посылку, изменится и душа народа, его дух, менталитет.

Особенно важное значение, как подчеркивает Абусуфьян, решение проблем языка в жизни общества имеет в те временные промежутки, когда имеют место такие эпохальные события, как перемена политического строя. Но при этом наш великий предшественник, что чрезвычайно важно и в наши дни, характеризующиеся событиями аналогичного порядка, отдает предпочтение не интересам личности, но народа, если иметь в виду следующие его слова, ср.: *«Тил ягъындан тюз болагъан миллет овзгелерден гъар заман алгъа барар. Тил ягъындан бир къыйыны бар яда терлиги болгъан миллет гъар заман артда къалар»* («Нация, у которой нет проблем с языком, будет всегда опережать другие. Нация же, у которой имеются трудности со стороны языка или какие-то отклонения, всегда будет отставать»). Именно оно, российское самодержавие (оруслар), как отмечает Абусуфьян, с целью русификации сознательно ограничивало общественные функции разных языков, особенно в сфере образования, в которой, например, дисциплины такого рода, как география и история, преподавались исключительно на родном языке.

С изменением политического строя, обуславливающим, как подчеркивает А. Акаев, равноправие народов в области религии, то есть в конечном счете (см. выше) языков, в регионе сложилась новая языковая ситуация, главным отличительным признаком которой стала утрата русским языком функции доминирующего идиома. Как следствие, требовалась новая языковая политика, под которой, видимо, правомерно понимать "совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» (БЭС 1998: 616), ибо до этого, как справедливо отмечает Абусуфьян, старые власти (оруслар) «по возможности, вынудив забыть родной язык, дали бы нам русский язык».

В этой внезапно «разразившейся», как и в наши дни, ситуации (языкового) освобождения возникает чрезвычайно ответственная (*«терс тюшсек, заралы уллу»*) необходимость избрания языка образования, обучения подрастающего поколения («чтению – письма»). Но при этом, по мысли Абусуфьяна, не может быть предпочтен, точнее, избран русский язык, хотя на этом широком («генг»), то есть всеохватывающем, выполняющем больший объем общественных функций языке написано, создано много «книг по науке», то есть последний вместе с тем продолжает играть важную роль в области науки (образования). Причина – это язык не наш и не нашей религии, ибо «наш язык – тюркский, язык нашей религии – арабский». При этом А. Акаев, что немаловажно, не считает нужным навязывать данное понимание новой языковой политики другим, соседним народам, например, аварцам

или чеченцам, которые, по его мысли, сами должны принять то или иное свое собственное решение по данной проблеме.

Но вместе с тем он считает необходимым использовать в системе образования не арабский, а родной (и об этом будет сказано подробнее в последующем изложении) язык, напомнив в связи с этим, и весьма, кстати, вполне логичную аргументацию Вольского. Последний, имея в виду арабский язык, хотел ввести в Дагестане русский язык в системе местного делопроизводства (досл. «русских писарей (без перевода!) поставить»), мотивируя последнее тем, что, когда (досл.) «какой-то народ оказывается в руках одного государства», «если вы не используете в обучении (наукам) родной язык, то употребите (в этом качестве) наш (русский) язык».

Вышеупомянутая попытка, как известно, вызвала т.н. «писарское» восстание тарковских кумыков 1912 г., поддержанное в других округах Дагестана, против отмены делопроизводства на арабском языке и введения его на русском (Алиев 2001:223). Поэтому о правоте Абусуфьяна по вопросу об отношении к русскому языку свидетельствует хотя бы то, что уже в 1918 г. на прошедших национальных съездах народах Северного Кавказа статус «языка межнационального объединения, контакта» был отведен кумыкскому языку (Islam Ansiklopedisi 1925: 67). Этим, в принципе, впервые была закреплена его традиционная (наряду с азербайджанским в Южном Дагестане) функция языка межнационального общения народов Северо-Восточного Кавказа (Гусейнов, Мугумова 1997: 74-75), то есть был придан официальный статус. Сам кумыкский литературный язык, уже оформившийся, как было показано выше, к этому времени, был внутренне подготовлен к этой роли, о чем свидетельствует, с одной стороны, присущая только ему среди прочих языков региона «старая» (архаическая) традиция (Гусейнов 2000: 34). С другой – то, что из порядка 300 печатных книг, изданных в Дагестане до революции, на нем оказалось написанной около их половины, около 90 книг – на аварском, но 30 с лишним на даргинском и лакском и около 20 на чеченском (Абдуллатипов 1995: 122).

Учитывали сложившееся отношение нерусских народов России к русскому языку и большевики (и Абусуфьян в данном смысле отнюдь не выглядел одиозной, как это может показаться сейчас, фигурой). Так, состоявшийся уже в 1921г. X съезд РКП (б) в своей резолюции по национальному вопросу отметил, что в отношении нерусских народов «политика царизма состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве, наконец, по возможности, русифицировать их» (ср. выше слова Абусуфьяна). Поэтому «задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам не великорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительские учреждения на родном языке» (Красный Дагестан 1928).

В указанной связи нелишне будет напомнить и то, что в царской России игнорировались не только языки тюрко-мусульманских, но и братских, близкородственных русскому украинского и белорусского народов. Большевики же, уповавшие в указанные выше годы на мировую революцию – сначала на Западе, потом на Востоке, учитывая антиклерикальный аспект отказа от арабского и перехода на латинский алфавит, стали вводить последний и на Северном Кавказе, где первой на него перешла уже в 1923 г. Ингушетия и только в 1926 - Чечня (Габисов 1991:105), в 1928 – Дагестан и Турция. Однако при этом Дагестанская АССР в силу многоязычия нуждалась не только в общегосударственном (русском), но и внутриреспубликанском языке подобного характера. При этом с санкции Ленина, как считают некоторые авторы (Красный Дагестан 1928), руководители республики Кокмасов и Самурский установили, что в качестве единого внутриреспубликанского

языка в ДАССР могут быть использованы кумыкский или азербайджанский диалекты тюркского языка, который и стал функционировать здесь в указанном качестве в 1923-1928 гг. (История Дагестана 1968: 193).

Так, решением Дагобкома ВКП(б) от 29 июня 1923г., государственным языком в Дагестанской АССР был объявлен «тюркский» язык ввиду того, что «тюркско-кумыкский язык является единственным языком общения граждан коренного Дагестана», но на иной (латинской) графической основе, превосходящей арабскую. При этом отмечалось, что «одной из основных причин отсталости наших горцев является отсутствие общего языка, многоязычие и отсутствие литературы, а у некоторых народностей – отсутствие своей письменности». Кроме того, «неимение государственного языка, понятного для всех, затрудняет органы власти в общении непосредственно с горцами (говорят через посредство переводчиков и т.д.)» (Протокол 2000: 18). Однако, как известно (см. выше), переход на латинскую графическую основу был осуществлен позднее.

Как свидетельствует печать того времени, причина предложенной реформы виделась, во-первых в том, что три четверти населения Дагестанской республики говорит или может общаться свободно на кумыкском или азербайджанском; во-вторых, создавать литературу и науку для нескольких десятков или сотен тысяч человек даже на их письменных языках не имеет смысла, потому встает вопрос о выборе одного из двух соседних культурных языков – тюркского или русского. Хотя русский язык богаче и сильно впитывал в себя западноевропейскую науку, чем тюркский, его нельзя принять, так как «против такого решения встает прежде всего ненависть к русскому языку, воспитанная царской политикой угнетения и насильственной русификации. А тюркский язык, как язык мусульманских масс, может служить орудием светской образованности, могущей, с одной стороны, поколебать господство мусульманской схоластики и фанатизма и, с другой, сослужить гораздо большую службу проводника коммунистических идей на Ближнем Востоке», который «весь говорит на тюркском языке, либо понимает его» (Красный Дагестан 1928). При этом русский язык как общегосударственный необходим и должен преподаваться в школах как отдельная школьная дисциплина.

О том, что последний из упомянутых аргументов приводился на совещании, созванном Дагобкомом ВКП(б), свидетельствует выступление на нем Габиева, который говорил о том, что с тюркским языком «Вы революции на Востоке не создадите... язык революции – это ленинский, русский язык. Избирая язык для революции, мы должны смотреть не на Восток, а на Москву. Тюркский язык нам ничуть не поможет. Вы должны прямо сказать: нам нужен язык русский». При этом т. Мамедбеков, «категорически отвергает предложение т. Габиева ..., указывая, что такие выступления бывали только со стороны меньшевиков и т.д.» (Протокол 2000: 18), и это вполне закономерно, если иметь в виду вышеупомянутую санкцию Ленина.

При этом еще за год до 1928 г., когда Абусуфьян, что символично, в числе более чем 800 священнослужителей из Дагестана уже был сослан в Сибирь (Абдуллатипов 1995: 128), известный азербайджанский общественный и политический деятель Махмет Эмин Расул-заде отмечал, что «роль тюркского языка и особенно кумыкского языка в Дагестане очень широка. Кумыкский язык, в отличие от других тюркских наречий Северного Кавказа (карачаевского, балкарского и др.) более развит и является *литературно-письменным языком* (выд. наше - Г.-Р.Г). Кроме того, он является официально признанным языком межнационального общения во всем Дагестане» (Алиев 2000: 17 прим. 15).

Решая же вопрос о выборе в системе образования арабского или тюркского языка, Абусуфьян отдает предпочтение последнему, но при этом считает необходимым избрать собственно кумыкский язык, но

не турецкий («стамбульский»), азербайджанский, татарский («казанский») и тюрки. Последний отвергается им сразу же ввиду смешанного своего характера, отсутствия этнической идентичности, а в отношении кумыкского языка наш великий предшественник высказывает в рассматриваемой статье знаменитую мысль о том, то «нет на лике Земли народа более чисто и благородно говорящего на тюркском языке. Самый благородный тюркский язык – у нас. Он остался в чистоте, не смешавшись с другими языками...».

Кроме того, Абусуфьян отмечает перегруженность арабизмами и персизмами турецкого, азербайджанского, крымско-татарского (имеется в виду, по всей видимости, его южный диалект, относящийся к той же, что и два предшествующих, огузско-сельджукской подгруппе) языков, что уже вызывало в турецком обществе сознание необходимости очищения своего языка, от русизмов – татарского. С другой стороны, обнаружив незаурядные для того времени знания тюрколога, он обращает внимание читателей на большую отдаленность первых трех взаимно близких (огузских – турецкого, азербайджанского, крымско-татарского) языков, относящихся вполне правомочно к одной (см. выше) ветви, от кумыкского и (казанско-) татарского, принадлежащих, как известно, к другой (кыпчакской) группе (ветви) тюркских языков.

Помимо указанных выше внутренних (генетических) различий между вышеупомянутыми языками, Абусуфьян имплицитно ощущает присущее любому развитому литературному языку различие письменной (книжной) и устной (разговорной) его разновидностей. Так, он, учитывая, по всей видимости, функционирование в первом качестве у вышеупомянутых народов разных вариантов «тюрки», указывает на то, что: 1) «в Стамбуле или в Крыму вышедшие газеты в Казани или в Кумыкистане необразованной молодежи останутся непонятными»; 2) также «больше непонятного, чем понятного, для нашей молодежи в книгах, изданных в Стамбуле, Баку или Крыму». Тем самым обосновывается необходимость существования собственного (кумыкского) варианта книжного языка.

Все это служит обоснованию чрезвычайно продуктивной, сформулированной Абусуфьяном посылки о невозможности достижения в современном мире тем или иным этносом передовых позиций, в том числе в науке и образовании, «если все науки (*гьар бир илмуну*) не будут изучаться посредством родного языка». До тех пор, пока язык обучения в системе образования и родной язык не утратят различий и не станут едиными, наука и образование любого государства не будет иметь возможности ступить на широкую дорогу.

Здесь автор обнаруживает глубокое понимание необходимости достижения универсальной, характерной для стадии формирования развитых литературных национальных языков ориентации на разговорную речь. Абусуфьян вслед за этим подчеркивает и следующую истину, логически вытекающую из предшествующей и лишь в конце XX в. ставшей хрестоматийной для теории литературного языка. Речь идет о том, что "использующее два языка государство не сможет достигнуть достойного уровня развития» («*даражасын тапмас*»).

Абусуфьян имел в виду в данном случае ситуацию двуязычия, и об этом свидетельствует следующий приведенный им тезис. Согласно ему, тот народ в двунациональном государстве, который использует в изучении наук не второй чужой, а родной язык, в науках и просвещении достигнет большего, чем другой. Мысль, достойная внимания. Тем более, что наш выдающийся предшественник указывает и на причинные, психолингвистические механизмы, обуславливающие подобную возможность, ибо первый народ делает одну работу: обучается науке, второй народ – две: учится и языку, и науке. Не исключено (sic!), что постепенно второй язык может вытеснить первый и стать родным, но это не близкая перспектива. Поэтому, разочаровавшись, второму народу придется вернуться к родному языку (!).

Вместе с тем это не значит, что не следует по мере необходимости знать и другие языки, то есть отказаться, в принципе, от двуязычия, как и от использования родного языка в системе образования, ибо (и здесь глубочайшей мысль!) «изменчивость – природа мира». Отсюда, обобщая вышеизложенное, Абусуфьян приходит к вполне закономерному выводу о том, что широкая дорога к знаниям будет открыта тогда, когда появятся люди, познающие посредством родного (кумыкского) языка и веру, и Вселенную, не пренебрегая другими языками (!).

Таким образом, речь идет о сохранении в национальной ментальности присущей ей языковой картины мира. Последнее достижимо при обучении на родном языке с младых ногтей, ибо, как указывал еще великий русский педагог К.Д. Ушинский (1950: 262), «дитя входит в духовную жизнь окружающих его людей единственно через посредство отечественного языка...». Да не утерям и мы этого пути и в последующем.

Литература

- Абдуллатипов А.-К. Ю. (1995). История кумыкской литературы (до 1917 года). Ч.1. Махачкала.
- Алиев К.М.(2001). Проблема происхождения кумыков. Вести Кумыкского научно-культурного общества. Вып. 1 (5). Махачкала.
- Большой энциклопедический словарь (БЭС): Языкознание. М., 1998.
- Габисов Б.Г. (1991). Чеченцы и ингуши (проблема происхождения). Грозный.
- Гусейнов Г.-Р. А.-К. (2000). Ирчи Казак и кумыкский литературный язык. Вести Кумыкского научно-культурного общества. Вып. 4. Махачкала.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л. (1997). Тюркские и русский языки – коммуниканты в истории народов Северо-Восточного Кавказа (XVI-XIX вв.). Тезисы докладов Всероссийской научной конференции «Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северо-Восточного Кавказа». Махачкала.
- Islam Ansiklopedisi. (1925). Istanbul.
- История Дагестана. (1968). Т. 3. М..
- Красный Дагестан» от 28 и 29 февраля 1928 г. // [www. http. // real-alania. narod. ru/duda 3. htm](http://www.real-alania.narod.ru/duda3.htm) от 21.06.02.
- Протокол совещания, созванного Дагестанским обкомом ВКП(б) по вопросу о языке и алфавите (от 29 июня 1923г.). Вести Кумыкского научно-культурного общества. Вып. 1.Махачкала, 2000.
- Ушинский К.Д. Собр (1950) соч. в 11 тт. Т. 6. М.-Л.,
- Этнопсихоллингвистика. (1988). М..